

Прости-прощай, Мшанск!

Мимо всегдашней росстани, мимо старинного кирпичного флигеля (где за железными створнями зарезали когда-то бакалейщика с большими деньгами) сани свернули в гумна, в сугробную ночь. Во флигеле жгли поздний огонь, наверно, играли свадьбу; прохожий народ валился к окнам, глазел на тошное веселье. На задах, по берегу Мши, погибали в метелице окраинные бани и ветлы.

В розвальнях сидели двое. У крайнего омета оторвался от темноты еще один человек, выбрел им навстречу. Был он сугорбый от котомки за спиной, опасливо озирался.

- Петяша? - негромко и уважительно окликнул извозчик. - Это мы, мы... Садись, замерз ждамши-то!..

Седок с готовностью подался в саних, подвигая для нового ворох соломы погуще.

- Эх, Петра, по правилам бы винца сейчас по хорошему стакану да на гармонию расстанную...

Но осекся: человек, завалившись в сани, тотчас схватил себя обеими руками за малахай и задержался непереносно, навзрыд. И седок не выдержал, тоже длинно вздохнул.

Извозчик сокрушенно сказал:

- Это всамделе тоже каково? Из собственного из своего угла да еще ночком, потихоньку, чисто ты вор какой!..

И с яростью огрел лошадь по хребту.

Скоком прошли мимо заколоченных магазеев, выбросились за порубежный овражек, в котором с восемнадцатого года закопаны расстрелянные за контрреволюцию - два офицера и четыре торговца. От овражка начинался тракт на полустанок и дальше, на Пензу; обступали снеговые пади, обступала волчья глубь, дорожное забытье. Искорчато-сине сверкала метелица, и сразу начало мерещиться за ней большое, ужасающее человечье скопище, все в огнях. Налетала дикая сила ветра, шумя в ушах; на обочинах ныли по-нищему телеграфные столбы. Эх, бывало и гикнет же тут ямщик!.. Стало пробирать холодом, требовалось завалиться спиной к ветру. Петр, просморкавшись, немножко оживел, полез в нутряной карман за махоркой.

- Ну, ничего...- сказал, будто посулил кому.

- А брательник-то все в Москве? - чтобы приутешить, спросил извозчик.

- В Москве...

- Маленьки были, какую бывало мы с ним дружбу колотили! Сейчас, чай, все позабыл.

- Он сейчас в Москве высоко, - ввязался другой седок, - он с самим Калининым работает, по газете.

- А вот чего же за брата не вступится, не расскажет, как брата здесь мытарят? Ему бы только одно слово...

В саних угрюмо молчало, и извозчик из сочувствия тоже посердител:

- Нынче, видать, братья своей крови не признают.

Петра едко продувало сквозь заплатанный пиджачишко. Хорошо, что хоть сосед сбоку пригревал немного (то был двоюродный брат, гробовщик Иван Журкин). Левый глаз наскла пурга, он совсем смерз от слезы, закрылся. А правый видел только беспощадное мерцанье метели да понизу дикие, текущие гребни снега, - только это одно и оставалось сейчас в жизни. И начинала заплетаться под ветер всякая паутина - дремь не дремь, сон не сон, а так, дорожная дурнота. К ней привычен был Петр - двадцать лет ездил по этой дороге. И вот - нет уж беды над головой, знакомые пригорки и пбди одеты в тепло и в зеленый овес, и благополучный стародавний закат над ними, и едут с поезда сдоки в плетеных таратайках, тянутся возы с товаром, а в Мшанске барышни идут ко всенощной, а бабка затевает к утру пироги с мясом. Эх, гикали же тогда ямщики, взвивались бубенчики!.. У Вязового оврага и вправду вымахнуло сзади колокольцем, и кто-то гаркнул, нагоняя. Петр ссутулился, глубже улез головой в передок.

- Кого это, Васяня? Посмотри: не собашника ли нашего несет? - сказал извозчику.

Прогнало недурум, прямо по сугробам, пару лошадей со звоном. Разве распознаешь, кто там за непогодью утился в угол возка, обернув кругом себя тулуп трубкой?